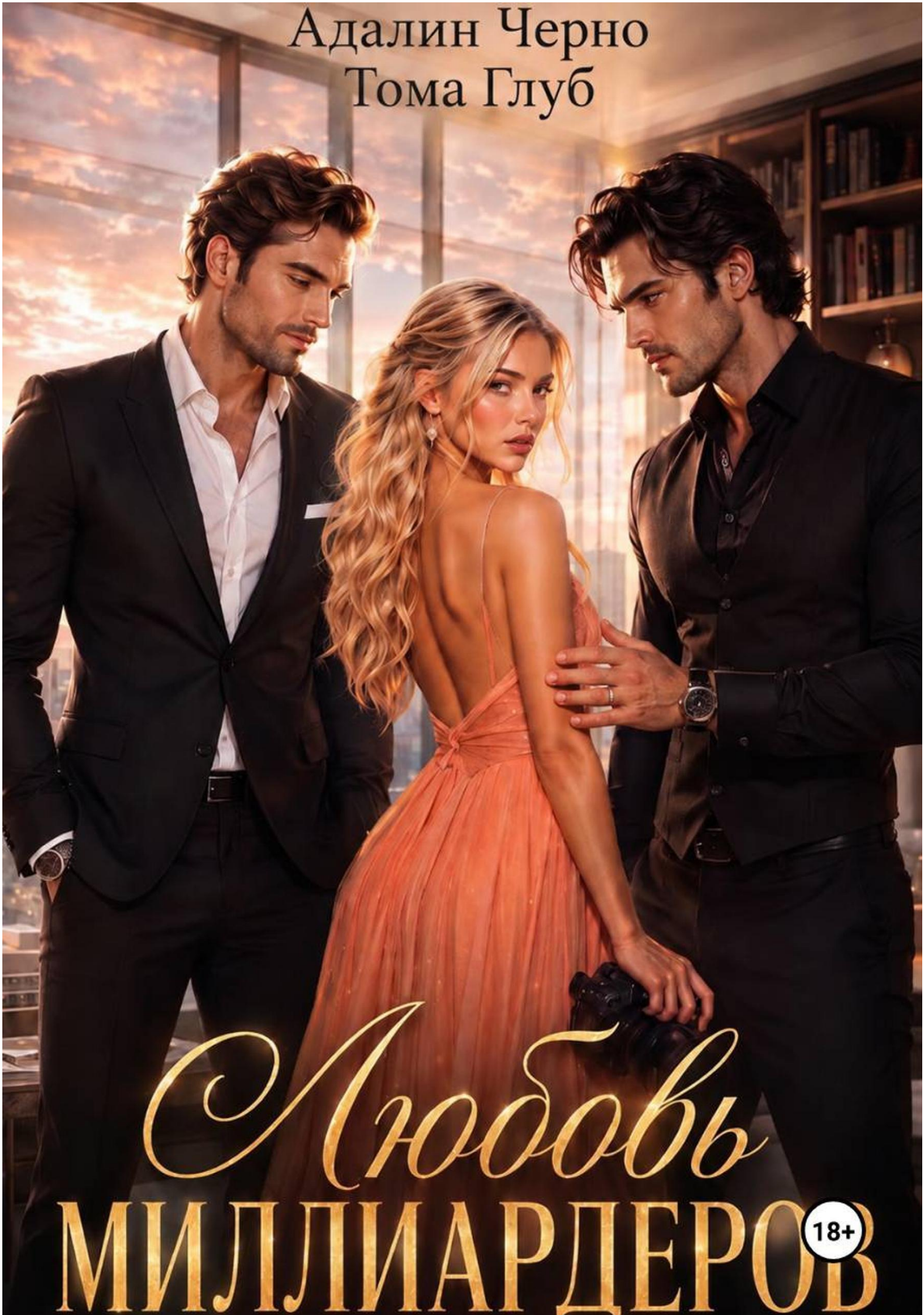

Адалин Черно
Тома Глуб
Любовь
МИЛЛИАРДЕРОВ
18+

Адалин Черно

Любовь миллиардеров

«Автор»
2026

Черно А.

Любовь миллиардеров / А. Черно — «Автор», 2026

— Анна Сергеевна? — голос приятный, отрепетированно вежливый. — Меня зовут Дарья, я из агентства «Линия». У нас к вам предложение, и, честно говоря, довольно срочное.— Слушаю.— Крупный корпоративный проект. Серия мероприятий — запуск, презентации, отчётные события. Нужен один фотограф на весь цикл, два-три месяца работы. Заказчик видел ваше портфолио и хочет именно вас.Я машинально тянусь за блокнотом.— Какая компания?— Это совместный проект двух фирм, все детали в договоре, но я сразу назову гонорар, чтобы вы понимали серьёзность.Я согласилась, потому что нам с сестрой нужны были деньги, а потом узнала, с кем мне придется работать. Два избалованных мажора. Мы с ними уже встречались. И после прошлой встречи у меня осталось то, о чем они никогда не должны узнать.

© Черно А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 22
Глава 10 24
Глава 11 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Тома Глуб, Адалин Черно
Любовь миллиардеров

Глава 1

Погода в столице умеет напоминать о себе в самый неподходящий момент — мокрым снегом, который не падает, а будто висит в воздухе и оседает мне на ресницах. Я стою у окна студии на третьем этаже бывшей фабрики и смотрю, как этот снег растворяется, не долетев до асфальта.

За спиной тихо гудят софтбоксы. Я только что отсняла семейную пару — он держал её за талию так бережно, будто боялся, что она исчезнет. Я поймала этот кадр, не задумываясь. Чужую нежность я ловлю безошибочно. Свою — давно разучилась.

Телефон на столе вибрирует. Незнакомый номер.

— Анна Сергеевна? — голос приятный, отрепетированно вежливый. — Меня зовут Дарья, я из агентства «Линия». У нас к вам предложение, и, честно говоря, довольно срочное.

— Слушаю.

— Крупный корпоративный проект. Серия мероприятий — запуск, презентации, отчётные события. Нужен один фотограф на весь цикл, два-три месяца работы. Заказчик видел ваше портфолио и хочет именно вас.

Я машинально тянусь за блокнотом.

— Какая компания?

— Это совместный проект двух фирм, детали в договоре. — Лёгкая пауза, заученная. — Но я сразу назову гонорар, чтобы вы понимали серьёзность.

Дарья называет сумму.

Я замираю. Ручка повисает над бумагой.

Это не просто хорошая сумма. Это та самая сумма. Цифра, которую я последние две недели складываю и пересобираю по ночам — из заказов, из заначки, из того, что можно занять и не сгореть со стыдом. И всё равно не хватает. А тут — почти всё. Одним контрактом.

Перед глазами встаёт лицо Веры. Сестра звонила вчера в полночь, и голос у неё был не человеческий — выпотрошенный.

Ее муж, с которым они были женаты несколько лет, снял со счета все деньги и пропал. На машине, которую Вера купила в кредит и ездил на ней только он, потому что у сестры не было прав.

И это тот Игорь, который улыбался на свадьбе так широко, что я тогда подумала: вот, хоть у сестры всё будет правильно. Который год назад уговорил Веру собирать деньги на ипотеку, а теперь оставил одну с долгом за машину, с просрочкой и маленькой дочкой на руках.

И вот теперь незнакомая Дарья называет цифру, которая закрывает эту дыру почти целиком.

— Анна Сергеевна? Вы здесь?

— Да. — Голос выходит ровным. Я умею держать голос ровным, даже когда внутри всё качается. — Когда нужно приступать?

— В этом и срочность. Первое мероприятие послезавтра вечером. Я понимаю, что мало времени, но…

— Я согласна.

Слово вылетает раньше, чем я успеваю подумать о расписании, о Тёме, о том, кто заберёт сына из сада, если съёмка затянется за полночь. Раньше, чем вспоминаю, что у меня нет нормального длиннофокусного объектива под такой уровень и придётся брать в рассрочку.

Раньше, чем я задаю единственный по-настоящему важный вопрос — что это за компании. Мне в этот момент все это неважно, потому что я думаю о деньгах, которые освободят сестру от кабалы кредитов и позволят продолжить жизнь дальше. Снова выйти на работу, нанять няню, как это было до того, как сбежал Игорь.

— Замечательно! — радуется Дарья. — Тогда я сейчас пришлю договор и техзадание. Подпишете через ассистента или сами?

— Через ассистента. У меня плотный график.

Это полуправда. Просто я не люблю читать договоры до того, как решу. А решение я уже приняла — в ту секунду, когда услышала сумму.

Я кладу трубку и какое-то время просто стою, прижимая телефон к груди. Снег за окном так и не долетает до земли.

— Аня, всё хорошо? — заглядывает моя помощница, Кристина. — Ты бледная.

— Контракт взяла. Большой. — Я улыбаюсь, и улыбка выходит настоящей, впервые за последнее время. — Кажется, я только что решила все проблемы моей сестры.

— Серьёзно? — Кристина сияет. — Те из-за мужа?

— Именно. — Я выдыхаю. — Закрою ей кредит, наймем няню, она вернется на работу, остальное как-нибудь дотянем. Я тебе перенаправлю контракт, подпиши его, я беру.

Вечером, укладывая Тёму, я наконец открываю договор на ноутбуке. Сын засыпает тяжело, держит меня за палец, и я сижу у кроватки, слушая его дыхание, параллельно просматривая договор. Три года назад я думала, что буду совсем одна. А получилось — не одна. Просто вдвоём, на двоих с маленьким человеком, у которого мой упрямый подбородок и чьи-то ещё, не мои, светлые брови.

Чьи — я запретила себе думать давным-давно.

Договор стандартный, на восьми страницах. Листаю по диагонали: объём работ, сроки, неустойка за срыв — внушительная, под стать гонорару. Реквизиты заказчика прячутся в самом конце, в графе «Стороны».

Совместный проект. Две компании. Логотипы — на отдельном брендбуке во вложении.

Я кликаю на вложение скорее по привычке, чем из интереса. Файл открывается медленно, картинка подгружается сверху вниз.

Сначала появляется название проекта.

Потом — первый логотип.

Потом — второй.

И два имени в строке учредителей под ними.

Я перестаю дышать.

Палец Тёмы дёргается во сне в моей ладони, но я этого уже не чувствую.

Глава 2

Кирилл Аршавин. Максим Дронов.

Два имени, набранные строгим деловым шрифтом, стоят друг напротив друга, разделённые тонкой чертой. Учредители. Партнёры. Совместный проект двух компаний, которые, оказывается, теперь принадлежат им.

Я смотрю на экран и жду, что буквы перестроятся. Что это другие Кирилл и Максим — мало ли в Москве людей с такими именами. Что подгрузится третья строчка, и всё окажется ошибкой.

Но строчек больше нет. Только эти двое.

Те самые мужчины. Из пяти дней, которые я три года прячу от себя самой на дне памяти, как прячут фотографию, которую больно смотреть и невозможно выбросить.

Я закрываю ноутбук. Слишком резко — Тёма ворочается, тянет к себе одеяло, и я замираю, пока его дыхание снова не выравнивается. В темноте детской только синий огонёк ночника и моё сердце, которое колотится так, что, кажется, его слышно во всей квартире.

Этого не может быть.

Я выхожу на кухню, наливаю воды, не пью. Открываю ноутбук снова — вдруг показалось. Не показалось. Кирилл Аршавин. Максим Дронов. Логотипы их фирм, аккуратные, дорогие. Название проекта, под которым следующие три месяца буду подписывать каждую отснятую папку.

Три месяца. Рядом с ними.

Я хватаю телефон, нахожу номер Дарьи в исходящих и почти набираю. Что я скажу? «Извините, я передумала»? Через два часа после того, как клялась, что согласна? А причина? «Я знаю ваших заказчиков»? Это не причина. Это начало вопросов, на которые я не отвечу никогда.

Палец зависает над зелёной кнопкой.

И тут я снова открываю договор — теперь читаю не по диагонали. Тот самый пункт, который проскользнул мимо глаз вечером, когда я думала только о Вере.

«В случае одностороннего отказа Исполнителя от исполнения обязательств после подписания Стороны Исполнитель выплачивает Заказчику неустойку в размере…»

Сумма неустойки — почти равна гонорару.

Я читаю её три раза. Потом ещё раз. Обычно я так не делаю. Не подписываю контракт, не прочитав условий. Обычно, черт возьми. Но сейчас у нас необычная ситуация, внезапная, я не предполагала, что такое может произойти.

В итоге, если я откажусь, я не просто не получу деньги. Я ещё и останусь должна. Столько же, сколько должна Вера. Я не вытащу сестр, а утоплю нас обеих.

Смех вырывается сам, тихий и злой. Конечно. Я ведь подписала не глядя. Точнее — подписала Кристина, как я и просила, потому что я слишком гордая и слишком занятая, чтобы читать восемь страниц.

Я могу позвонить ей прямо сейчас. Спросить, подписала она или нет.

Обычно она не отправляет контракты заказчикам раньше утра, значит, возможно, подписала, но не отправила.

Открываю чат с Кристиной. Начинаю печатать.

И останавливаюсь.

Перед глазами — лицо Веры. Её мертвый голос в трубке. Соня, которой полтора года, и которой всё равно, что папа оказался не человеком. Просрочка по кредиту, которая растёт каждый день. Менеджер банка с его угрозами.

А ещё — мои собственные счета. Аппаратура в рассрочку. Сад Тёмы. Аренда студии и множество других расходов, о которых успешные фотографы умалчивают. О расходах вообще все молчат.

Я могу спрятаться от Кирилла и Максима. Это легко. Достаточно одного сообщения Кристине.

Но тогда мне придётся посмотреть в глаза Вере и сказать, что я могла её спасти — и не стала. Потому что испугалась двух мужчин, которые три года назад были мне никем. Просто отпуском. Просто ошибкой, у которой теперь мой упрямый подбородок и чужие светлые брови.

Я стираю недописанное сообщение.

Они меня не узнают. С чего бы. Курортный роман — это для них наверняка одна из многих историй. Сменили причёску, контекст, страну — и забыли. Я буду фотографом. Тенью с камерой, которая ходит по краю зала и ловит чужие моменты. Меня никто не замечает на таких мероприятиях. В этом весь смысл моей профессии — быть невидимой.

Три месяца. Я отработаю, получу деньги, закрою Верин кредит и исчезну. Как умею. У меня же отлично получается исчезать.

Я закрываю ноутбук и иду спать. Не сплю. Лежу и считаю до утра все причины, по которым это плохая идея, и каждую перебиваю одной-единственной цифрой — суммой, которая спасает сестру.

К рассвету я почти верю, что справлюсь.

Утром пишу Кристине коротко: Отправляй договор по тому проекту. И найди мне в аренду телевик на послезавтра, нормальный, светосильный. Запиши на меня».

Она отвечает большим пальцем и сердечком.

Послезавтра наступает быстро.

Я приезжаю за полтора часа до начала — так всегда, чтобы успеть отстроить свет, обойти зал, понять, где встану. Площадка — лофт под крышей с панорамными окнами, за которыми горит вечерняя Москва. Дорого, со вкусом, без перебора. Я узнаю этот вкус и заставляю себя не думать, чей он.

Я работаю. Проверяю карты памяти, второй аккумулятор, протираю стекло. Руки делают привычное, и мне почти спокойно. Я тень. У меня камера вместо лица. Меня здесь нет.

Гости начинают съезжаться к семи. Я ловлю первые кадры — рукопожатия, бокалы, смех. Прячусь за объективом, как за щитом. Всё идёт хорошо.

А потом я слышу его голос.

Не знаю, как объясняю это себе три года спустя, но я узнаю его раньше, чем поворачиваюсь. Раньше, чем понимаю, что именно услышала. Просто что-то внутри обрывается и падает — туда же, на дно, к спрятанной фотографии.

Он стоит в десяти шагах от меня, у входа. В тёмном костюме, выше, чем я помню, или мне так кажется. Говорит с кем-то, улыбается своей улыбкой, от которой три года назад у меня подгибались колени на белой террасе над морем.

Кирилл.

А рядом, поворачиваясь ко мне вполоборота, со второго бокала шампанского в руке, — Максим.

И в ту секунду, когда я думаю, что главное — не поднимать камеру слишком резко и не выдать себя, Максим скользит взглядом по залу.

И останавливается на мне.

Глава 3

Время растягивается.

Взгляд Максима держит меня, как булавка держит бабочку. Доля секунды — но я успеваю прожить в ней целую жизнь. Сейчас он узнает и всё рухнет.

Я опускаю камеру и делаю то единственное, что умею в такие моменты. Прячусь за работой.

— Простите, — говорю кому-то из гостей рядом, — можно вас снять у окна? Свет идеальный.

Голос чужой, но ровный. Я отступаю в сторону, поднимаю камеру — и щёлкаю, щёлкаю, прячась за затвором, как за частоколом.

А Максим… скользит взглядом дальше.

Просто скользит дальше. По залу, по гостям, по официанту с подносом. Его глаза задержались на мне ровно настолько, насколько задерживаются на любом незнакомом лице в толпе. Безлично. Вежливо. Пусто.

Он меня не узнал. Или я слишком хочу в это верить?

Я выдыхаю так осторожно, будто боюсь спугнуть собственное везение. Три года, другая причёска, другая страна, форма фотографа вместо лёгкого платья, которое я носила там, на острове. И главное — он не ждёт меня здесь. Никто не ждёт, что женщина с того курорта окажется тенью с камерой на их корпоративе. Контекст — лучшая маскировка. Я всегда это знала, я этим живу.

Я снова поднимаю камеру и снимаю их обоих. Кирилла — в тёмном костюме, выше, чем я помню, с улыбкой, от которой три года назад у меня подгибались колени. Максима — с его вечной ленивой грацией и бокалом в руке. Они стоят плечом к плечу, на фоне ночной Москвы, и я ловлю их в кадр спокойно, как ловила бы любых других учредителей.

Почти спокойно.

Руки у меня не дрожат только потому, что я приказала им не дрожать.

Я отрабатываю весь список: рукопожатия, разрезание ленты, речи, общие планы, портреты. Я подхожу к ним близко — на расстояние вытянутой руки, — и оба смотрят в объектив, и ни один не задерживает на мне взгляд дольше положенного. Я для них — функция. Девушка с камерой. Меня здесь нет.

И это именно то, чего я хотела. Так почему же где-то под рёбрами тянет — тоненько, обидно, по-детски глупо?

Я давлю это чувство, как окурок подошвой обуви.

Гости начинают редеть к одиннадцати. Я уже собираю аппаратуру в кофр, когда ко мне подходит женщина — та самая Дарья, я узнаю голос. Молодая, собранная, с планшетом.

— Анна Сергеевна, отличная работа. — Она улыбается. — Заказчики довольны. Настолько, что просили передать предложение.

Я застёгиваю кофр.

— Слушаю.

— Они хотят расширить контракт. — Дарья сверяется с планшетом. — Не просто серия мероприятий. Полное сопровождение проекта: внутренние съёмки, репортажи с переговоров, командировки, имиджевая часть для обеих компаний. Вы фактически становитесь штатным фотографом на эти три месяца. С соответствующим увеличением гонорара.

Она называет новую цифру.

И я снова замираю — как тогда, у окна студии, с ручкой над блокнотом.

Потому что новая сумма — это закрыть и мою рассрочку. И год вперёд за сад Тёмы. И ещё останется на подушку, которой у меня не было никогда.

— Командировки, — повторяю я. Это единственное слово, которое цепляется. — Какого формата?

— По-разному. Иногда день, иногда два-три. — Дарья листает. — Ближайшая — уже через неделю. Загородная резиденция, стратегическая сессия партнёров. Узкий круг. Вы и… они.

Узкий круг. Они. Я.

Загородный дом, где не спрячешься в толпе. Где нет ста гостей, за которыми можно раствориться. Где я буду рядом с ними часами, и любая случайность — оговорка, жест, мой собственный смех, который, мне когда-то говорили, ни с чьим не спутаешь, — может разрушить всё.

Это безумие. Я должна отказаться от расширения. У меня есть полное право — это новые условия, не те, что я подписывала.

Я открываю рот, чтобы сказать «нет».

— Я подумаю до завтра, — говорю вместо этого.

Дарья кивает, будто другого ответа и не ждала.

— Конечно. Только… — она чуть понижает голос, дружелюбно, по-женски, — на вашем месте я бы соглашалась. Такие предложения раз в жизни бывают. И знаете, что странно? — Она улыбается. — Обычно они никого надолго к себе не подпускают. А тут сразу — расширение. Будто им важно, чтобы снимали именно вы.

Я застываю с кофром в руке.

— Почему вы так решили?

— Так в заявке и написано. — Дарья поворачивает ко мне планшет. — Вот, графа «исполнитель». «Только Анна. Замена не рассматривается». Это их формулировка. Слово в слово.

Я смотрю на экран. На свою фамилию. На приписку рядом — короткую, личную, не из тех, что пишут про незнакомого подрядчика.

И впервые за вечер мне становится по-настоящему страшно.

Потому что человек, которого не узнали, — не вписывает в договор «только она».

Глава 4

Домой я возвращаюсь почти в час ночи.

Няня — Тамара Петровна, единственный человек в этом городе, которому я доверяю Тёму после восьми вечера, — дремлет на кухне с книгой на коленях. Я плачу ей за переработку, благодарю шёпотом, провожаю до двери. Потом долго стою в прихожей, не снимая пальто, с кофром, всё ещё висящим на плече, как будто я не дома, а на полпути куда-то.

«Только Анна. Замена не рассматривается».

Эта фраза идёт за мной от самого лофта. Сидит в голове ровной, ледяной занозой.

Я снимаю наконец пальто. Захожу к Тёме. Он спит на животе, подвернув под себя одну ногу, — так же, как спал кто-то другой на огромной кровати с белой кисеёй три года назад. Я отгоняю это сравнение. Я научилась отгонять его за секунду — рефлекс, как моргание.

Сажусь на пол у его кроватки. В темноте смотрю на его лицо. Мой подбородок. Не мои брови — светлые, вразлёт, будто кто-то провёл по ним лёгкой кистью. Я столько раз убеждала себя, что это случайность. Что брови бывают у кого угодно. Что генетика — лотерея.

Но сегодня, после этого «только Анна», убеждать себя стало почему-то труднее.

Я достаю телефон. Открываю чат «Сохранённые» — тот самый, в котором три года назад написала «Этого не было». Сообщение всё ещё там, первым в ленте, под ним — пароли, скрины билетов, бабушкин рецепт хачапури. Я смотрю на эти два слова так долго, что буквы начинают расплываться.

Этого не было.

Было. Вот оно — спит в полутора метрах от меня, дышит ровно, держит во сне край одеяла.

Я печатаю Кристине, хотя знаю, что она ответит только утром.

«Завтра поговорим про расширение контракта. Не отправляй пока согласие».

Ставлю телефон на зарядку. Ложусь. Не сплю — это уже становится привычкой, моя личная бессонница, в которой я перебираю варианты, как чётки.

Отказаться от расширения — законно. Это новые условия. Я в своём праве. Но останется основной контракт. Останутся три месяца мероприятий, на которых я и так буду рядом с ними. Просто реже. Просто в толпе.

А ещё останется неустойка, если я попробую соскочить совсем.

И останется «только Анна» — фраза, которую я не могу объяснить ничем безобидным.

Под утро я принимаю решение, которое сама от себя не ожидала. Я не буду прятаться вслепую. Я выясню, узнали они меня или нет. Сама. На своих условиях. Потому что жить три месяца в неизвестности, вздрагивая от каждого их взгляда, — хуже, чем знать правду.

И поехать на эту загородную сессию — лучший способ узнать. Один день. Узкий круг. Если они меня вспомнили — это станет ясно за пару часов. А если нет — я успокоюсь и доработаю свой контракт спокойно, как тень.

Почти убеждаю себя, что это разумно. Хотя где-то на самом дне знаю: разумного в этом нет ничего. Просто мне нужно увидеть их вблизи. Просто я устала бояться вслепую.

Утром звоню Кристине.

— Соглашаемся на расширение, — говорю я, наливая Тёме кашу одной рукой. — Я еду на эту загородную сессию.

— Точно? — Кристина зевает в трубку. — Ты вчера была какая-то… не своя.

— Устала просто. Контракт большой, ответственность. — Полуправда. Я опять прячусь в неё, как в нору. — Подтверди им и пришли мне детали по логистике. И, Крис… — я медлю, — узнай аккуратно, кто ещё будет на сессии. Сколько человек. Кто из руководства.

— Зачем тебе?

— Чтобы понимать свет и точки. Загородный дом — это всегда сюрпризы.

Она верит. Она всегда верит — потому что я никогда не даю ей повода не верить.

Тёма стучит ложкой по столу, требует внимания. Я отрываюсь от телефона, вытираю ему подбородок, целую в макушку. От него пахнет молоком и сном. Он смотрит на меня снизу вверх своими светлыми бровями, и я вдруг ловлю себя на дикой, запретной мысли: а если бы один из них увидел его — узнал бы себя?

Я гашу эту мысль так резко, что Тёма пугается выражения моего лица.

— Мам? Ты сердишься?

— Нет, заинька. — Я заставляю лицо стать мягким. — Мама просто думает о работе.

Неделя до сессии проходит в режиме, который я знаю наизусть: студия, заказы, сад, ужин, укладка, бессонница. Я снимаю две семьи и одни крестины. Ловлю чужую нежность безошибочно. Свою — всё так же не нахожу.

Дважды я открываю ящик стола. Тот самый, с засушенной бугенвиллией. Цветок почти рассыпался — три года не пощадили его, лепестки стали хрупкими, как пепел. Рядом — конверт с почтой, написанной мелким почерком Кирилла. «Если когда-нибудь…»

Я написала на неё. Тогда, к концу беременности, отчаявшись. «Беременна. Оставляю ребёнка». И всё.

Ответа не было.

Я смотрю на эту почту неделю спустя после того, как увидела их живыми, в десяти шагах от себя, и впервые задаю вопрос, который три года не позволяла себе задавать.

А письмо вообще дошло?

Может, почта была временной. Может, он сменил её. Может, оно упало в спам, в архив, в небытие — туда же, куда я сама отправила те пять дней. Я ведь так удобно решила, что мне не ответили из равнодушия. Так было проще злиться. Проще не ждать.

Но человек, который пишет в договоре «только Анна», — не равнодушный человек.

Я закрываю ящик. Снова два оборота ключа — глупого, бессмысленного, потому что в ящике нет ничего ценнее засохшего цветка и одной строчки.

И всё-таки запираю.

В день сессии за мной присылают машину. Чёрную, дорогую, с молчаливым водителем — точь-в-точь как тот «Мерседес», что вёз меня по серпантину три года назад. Совпадение бьёт под дых. Я сажусь на заднее сиденье, ставлю кофр рядом и смотрю в окно, как тогда смотрела на белёные оградки и кактусы. Только за стеклом теперь — голые подмосковные перелески, серое небо, мокрая дорога.

«First time на Санторини?» — спросил тот водитель.

«First time здесь?» — могла бы спросить я саму себя сейчас. Первый раз — добровольно идти туда, откуда три года бежала.

Резиденция оказывается большим домом из камня и стекла, спрятанным за высоким забором в лесу. Узкий круг — Дарья не соврала. На парковке всего несколько машин. Внутри — просторно, дорого, тихо. Тот самый вкус, который я узнала ещё на лофте и запретила себе называть по имени.

Меня встречает девушка-администратор, показывает, где можно оставить вещи, где будут проходить переговоры, где обед. Я киваю, отстраиваю в голове точки съёмки, проверяю свет. Руки делают привычное. Я тень. У меня камера вместо лица.

— Партнёры подойдут через полчаса, — говорит администратор. — Пока можете осмотреться.

Я осматриваюсь. Большая гостиная с панорамным окном на лес. Длинный стол для переговоров. Камин. И — я замечаю это не сразу — на стене у окна несколько фотографий в рамках. Корпоративные, постановочные: двое мужчин подписывают договор, пожимают руки, стоят на фоне какого-то стенда.

Я подхожу ближе. Это они. Кирилл и Максим. История их совместного дела в кадрах.

И на одной из фотографий — самой первой, судя по дате на табличке снизу, — они стоят вдвоём на фоне моря.

Синего до боли в глазах моря.

Белого городка, рассыпанного по чёрной скале.

Я узнаю этот ракурс. Я узнаю этот свет — медовый, плотный, тот самый, ради которого все летят туда. Я узнаю изгиб кальдеры на заднем плане.

Санторини.

Они вернулись туда. Вдвоём. И открыли своё дело — там же, где когда-то была я.

Я стою перед этой фотографией, не дыша, и не слышу за спиной шагов.

— Красивое место, правда? — говорит низкий, ровный голос у меня за плечом. — Мы там всё начали.

Я узнаю его раньше, чем поворачиваюсь.

Кирилл.

Глава 5

Я поворачиваюсь медленно — так медленно, как научилась после того Санторини. Когда внутри всё летит в пропасть, а снаружи лицо остаётся непроницаемым.

— Очень красивое, — говорю я. Голос ровный. Я приказала ему быть ровным. — Греция?

Это первый риск. Если он скажет «Санторини» и при этом посмотрит на меня иначе — я пойму. По глазам. По заминке. По тому, как мужчины себя выдают, сами того не замечая.

— Санторини. — Он стоит совсем близко. Выше, чем я помню, — или это я за три года стала меньше. — Снимали жильё на месяц, обсуждали идею. Думали — провалится. — Он усмехается, глядя не на меня, на фотографию. — А вышло вот это.

Он смотрит на снимок, не на меня.

Не на меня.

Я выдыхаю — внутрь, незаметно. Перевожу взгляд обратно на фото, чтобы дать себе секунду. Двое мужчин на фоне кальдеры. Загорелые, моложе на три года, счастливые той лёгкой, бездумной лёгкостью, которую я так хорошо помню. Я была частью этой лёгкости. Пять дней. А потом стала тем, что они даже не заметили, как потеряли.

— Хороший кадр, — говорю я профессионально. — Свет поймали удачно. Кто снимал?

— Местный какой-то. — Кирилл пожимает плечами. — За двадцать евро. — И вдруг поворачивается ко мне — впервые прямо, в лицо. — А вы, я слышал, ловите такой свет за гонорар с шестью нулями.

Это шутка. Лёгкая, дежурная, та самая, которой он, наверное, разбрасывается с каждым подрядчиком. Но он смотрит мне в глаза, и я смотрю в его — серые, с тем же прищуром, который три года назад казался мне самым тёплым взглядом на свете.

И ничего.

Ни узнавания. Ни тени. Ни заминки. Вежливый интерес заказчика к исполнителю. Я для него — функция с дорогим ценником.

Я должна радоваться. Это именно то, ради чего я сюда ехала. Доказательство. Чистое, окончательное: он меня не помнит. Я могу работать три месяца спокойно, тенью, и исчезнуть, как умею.

Так почему под рёбрами снова тянет — тоненько, обидно, по-детски?

— За свет берут отдельно, — отвечаю я и сама удивляюсь, что у меня получается улыбнуться. — Греческий обошёлся бы вам дешевле.

Он смеётся. Коротко, искренне. И в этом смехе — в самом его звуке — я узнаю те пять дней так остро, что приходится отвернуться к фотографии, делая вид, что разглядываю детали.

— Кирилл, — представляется он и протягивает руку. — Аршавин. Один из тех, кто вас нанял.

Я смотрю на его ладонь. Большую, с длинными пальцами. Я знаю эту ладонь. Я знаю, какая она тёплая. Я три года запрещала себе это знать.

— Анна, — говорю я и вкладываю свою руку в его.

Рукопожатие деловое. Крепкое. Короткое. Он отпускает мою руку, и я почти физически чувствую, как между нами захлопывается дверь — та, в которую он даже не заметил, что когда-то входил.

— Спасибо, что согласились на расширение, — говорит он. — Нам важно, чтобы был один человек на весь проект. Кто-то, кто видит нас обоих. Понимает… — он ищет слово, — динамику.

— Динамику, — повторяю я.

— Мы с Максом очень разные. — Он снова смотрит на фото, где они плечом к плечу. — Я долблю в одну точку. Он — рассеивает. Хороший фотограф это ловит. Чужие отношения видно через объектив лучше, чем изнутри.

«Чужую нежность я ловлю безошибочно, — думаю я. — Свою — давно разучилась».

— Постараюсь оправдать, — говорю вслух.

За спиной хлопает дверь. Лёгкие, чуть ленивые шаги — я узнаю их раньше, чем слышу голос. Тело помнит то, что разум запер на два оборота ключа.

— Кир, ты опять грузишь человека философией? — Максим входит в гостиную, на ходу закатывая рукава рубашки. — Не слушайте его. Он каждому новому подрядчику читает лекцию про «динамику». Это у него вместо знакомства.

Он останавливается напротив. Та же ленивая грация. Тот же бокал — нет, в этот раз чашка кофе. Те же светлые брови вразлёт.

Светлые брови вразлёт.

У меня перехватывает дыхание. Я смотрю на его лицо и вижу Тёму. Вижу макушку, в которую целую каждое утро. Вижу выражение, с которым сын стучит ложкой по столу. Я никогда не позволяла себе сравнивать в лоб. А теперь сравнение стоит передо мной, в двух шагах, и пьёт кофе.

Не Кирилл.

Максим.

Три года я запрещала себе думать — чьи. Три года повторяла «не мои, чужие, неважно». А они — вот. На лице человека, который смотрит на меня сейчас с тем же безличным, вежливым интересом, что и его партнёр.

— Очень приятно, — говорю я, и голос — впервые за вечер — едва заметно дрожит. Я выдаю эту дрожь за усталость. — Анна.

Максим прищуривается.

На долю секунды — на ту самую долю, что держала меня булавкой на лофте, — что-то мелькает в его лице. Не узнавание. Что-то меньше, тоньше. Зацепка. Эхо.

— Мы не встречались раньше? — медленно спрашивает он. — У меня странное ощущение.

И гостиная с панорамным окном на серый лес замирает вместе со мной.

Глава 6

Они оба смотрят на меня. Изучают внимательно.

И я делаю то единственное, что умею делать в минуты, когда земля уходит из-под ног, — прячусь за работой. Поднимаю камеру. Не к глазу, нет, — просто перехватываю её обеими руками, поправляю ремень, кручу кольцо фокусировки, которое не нуждается в том, чтобы его крутили. Жест мастера, который занят. Жест человека, которому некогда вспоминать прошлое, потому что у него есть свет, точки и заказ на шесть нулей.

— Вряд ли, — говорю я Максиму, и голос подчиняется, выравнивается. — У меня лицо обычное. Все говорят, что я на кого-то похожа.

Это правда. Мне это говорили сотни раз. И сейчас эта затёртая фраза работает как страховка — она снимает напряжение, делает меня одной из многих, размывает в толпе похожих лиц.

— Может быть. — Максим не отводит взгляда. Он не из тех, кого легко сбить. Я помню эту его черту — он цепляется за ощущение и тянет, пока не размотает. — Но я хорошо запоминаю людей. Лица — плохо, а вот… — он чуть качает чашкой, ищет слово, — манеру. У вас манера знакомая.

— Манера держать камеру? — Я улыбаюсь чуть насмешливо, переводя в шутку. — Боюсь, в этом я не оригинальна. Нас таких в городе сотни.

Кирилл усмехается, переводит взгляд с меня на партнёра.

— Макс у нас физиономист, — говорит он. — Видит человека насквозь за минуту. Это раздражает в спорах и помогает в переговорах.

— Вижу-вижу. — Максим наконец отрывает от меня взгляд — отпускает, как рыбу с крючка, но я знаю, что крючок остался во мне, под кожей. — Ладно. Значит, обычное лицо. Извините. Профдеформация.

— Ничего, — говорю я. — У меня тоже. Я смотрю на людей и сразу вижу, как их снимать.

— И как нас снимать? — спрашивает Кирилл. В голосе — лёгкий вызов, та же игра, что три года назад на террасе, когда он спросил: «А вы всегда прячетесь за объективом, Аня?»

Аня.

Он не сказал «Аня». Он сказал «нас». Но эхо того вопроса бьёт по мне так, что я едва удерживаю ровное дыхание.

— Вас — на контрасте, — отвечаю я, спасаясь в профессию, как в окоп. — Вы — резкий свет, жёсткие тени, графика. — Я киваю на Кирилла. — А вы — рассеянный, мягкий, тёплый. — Кивок Максиму. — Если поставить вас рядом в одном свете, кто-то из вас всегда будет проигрывать. Поэтому я буду снимать вас по-разному. И собирать вместе уже потом.

Они молчат. Переглядываются — тем коротким, без слов, разговором, который я помню. Так они переглядывались тогда, на лофте, при мне. Так они, наверное, переглядывались все эти три года, ведя дело, которое выросло из пяти беспечных дней на острове.

— А она хороша, — говорит Максим Кириллу, будто меня нет в комнате. И сразу — мне, с улыбкой: — Это был комплимент. Вы правда нас уже разложили.

— Это моя работа, — говорю я.

— Тогда не будем мешать работе. — Кирилл смотрит на часы. — Перерыв пять минут, потом продолжаем переговорную часть. Анна, кофе? Чай?

— Воды, если можно.

Он кивает, отходит к столу с напитками. А Максим остаётся. Ставит чашку на подоконник — рядом с той самой фотографией Санторини — и складывает руки на груди.

— Знаете, — говорит он негромко, чтобы слышала только я, — а ведь я редко ошибаюсь.

Сердце пропускает удар.

— В смысле? — Я делаю вид, что проверяю настройки.

— В смысле, что мы где-то пересекались. — Он смотрит на меня спокойно, без нажима, почти лениво. Но за этой ленью — внимание хищника. — Я не помню где. Пока. Но я вспомню. Я всегда вспоминаю. Это вопрос времени.

Я поднимаю на него глаза. И впервые за всё это время решаю не убегать в шутку, не размывать себя в толпе. Я выдерживаю его взгляд — прямо, открыто. Потому что иногда лучшая защита — не прятаться, а смотреть в упор.

— Вспомните — расскажете, — говорю я ровно. — Будет любопытно узнать, на кого я так похожа.

Он чуть улыбается. Уголком рта. Той самой улыбкой, которую я каждое утро вижу на лице трёхлетнего мальчика. Мне кажется, я схожу с ума.

— Расскажу, — обещает он. — Обязательно.

Кирилл возвращается со стаканом воды, протягивает мне. Максим берёт свою чашку с подоконника. И они отходят к столу для переговоров, на ходу обсуждая какие-то цифры, — двое мужчин, которые построили общее дело и понятия не имеют, что между ними, тенью, прошла женщина, оставившая у себя дома их живое продолжение.

А я стою у окна со стаканом воды в руке.

И смотрю на фотографию синего моря.

И впервые за три года ясно понимаю: я не успокоюсь. Я не доработаю этот контракт спокойно. Потому что Максим вспомнит. Может, через неделю, может, через месяц — но вспомнит. И тогда вопрос будет уже не «узнали ли они меня».

Вопрос будет — что они сделают, когда узнают про Тёму.

Я ставлю стакан на подоконник, поднимаю камеру и иду снимать переговоры.

Тень. С камерой вместо лица.

Пока ещё — тень.

Глава 7

Переговорная часть длится ещё два часа. Я снимаю их так, как обещала, — порознь и вместе, ловлю жесты, наклоны, момент, когда Кирилл сжимает челюсть в споре, а Максим наоборот откидывается на спинку и улыбается, размягчая воздух в комнате. Я работаю безупречно. И всё это время чувствую на себе взгляд Максима — короткий, периодический, как маяк, который проходит лучом раз в минуту.

Он не оставил эту мысль. Он её отложил. Это разные вещи.

К пяти вечера всё заканчивается. Гости расходятся, администратор уносит чашки, Дарья из агентства пишет мне в чат: «Машина будет через двадцать минут, спасибо за работу!» Я собираю технику — медленно, методично, чтобы руки были заняты, пока в голове стучит одно: уехать. Уехать отсюда и больше не подходить к ним ближе чем на расстояние объектива.

— Анна.

Голос Кирилла. Он стоит в дверях гостиной, уже в пальто, с ключами в руке.

— Я еду в город. — Он смотрит на часы, потом на меня. — Отпущу вашу машину, подвезу. По дороге обсудим график на ближайший месяц. Сэкономим друг другу время.

Внутри всё сжимается. Машина с молчаливым водителем — это безопасно. Это коробка, в которой я могу выдохнуть. А полчаса в одном салоне с Кириллом, наедине, на тёмной подмосковной трассе — это совсем другое.

— Спасибо, не стоит, — говорю я. — За мной уже выслали.

— Я уже написал Дарье. — Он чуть улыбается. — Не люблю, когда две машины едут в одну точку. Это нерационально.

Рационально. Его любимое слово. Я помню, как три года назад он точно так же «рационально» решил, что нам всем удобнее ужинать вместе. И как из этого «рационально» выросли пять дней, перевернувших мою жизнь.

Спорить — значит привлекать внимание. Значит выдать, что мне есть чего бояться. А я тень. Тень садится в машину, когда заказчик предлагает.

— Хорошо, — говорю я. — Спасибо.

Машина у него своя — не та чёрная, на которой меня привезли, а низкая, тихая, пахнущая кожей и чем-то едва уловимо знакомым. Его одеколоном. Я узнаю запах раньше, чем понимаю, что узнала, и это узнавание бьёт под рёбра острее, чем всё, что было сегодня. Запах — самая верная память. Запах не обманешь профессиональной маской.

Я сажусь, ставлю кофр в ноги, пристёгиваюсь. Он трогается плавно, выруливает с участка в лес. За окном гаснет серый день, фары выхватывают мокрые стволы.

Какое-то время мы едем молча. Потом он говорит:

— На самом деле график — это предлог.

Я медленно поворачиваю голову.

— Вот как.

— Макс редко цепляется к людям. — Кирилл смотрит на дорогу, руки спокойно лежат на руле. — А к вам прицепился. И знаете, я ему верю. У него на это чутьё. — Пауза. — Так что я тоже задам вопрос. Только честно.

Сердце колотится так, что, кажется, он слышит.

— Спрашивайте.

— Вы из Питера?

Я едва не выдыхаю вслух. Не то. Совсем не то.

— Нет. — Я качаю головой. — Я не из Питера.

— Хм. — Он хмурится. — А мне почему-то показалось. Просто работа такая, — продолжает он. — Привыкаешь раскладывать людей по полочкам. Иногда ошибаешься.

— Бывает, — говорю я. И отворачиваюсь к окну.

Он больше не возвращается к этому. Переключается на дело — даты, локации, бюджет на свет, сколько съёмочных дней в месяц. Я отвечаю чётко, по-деловому, и с каждым километром дышу всё свободнее. Он не дожимал. Он спросил — я ответила — он отступил. Так ведут себя люди, которым действительно показалось.

Я почти убеждаю себя в этом.

— Кофе будешь? — вдруг спрашивает он, сворачивая к заправке на въезде в город. — Тут варят неплохой. Мне ещё час за рулём.

— Можно, — соглашаюсь я. Я расслабилась. Это была ошибка.

Он выходит, я остаюсь в машине. И от нечего делать скольжу взглядом по салону — по приборной панели, по бардачку, по подстаканнику между сиденьями.

В подстаканнике лежит телефон. Экраном вверх. Он погас, но от сообщения загорается снова — на секунду, без блокировки почему.

И на экране — сообщение.

Я не хочу читать. Честно. Но взгляд цепляется сам, против воли, как объектив за нужный кадр.

«Ты ее узнал?».

Экран гаснет.

А я сижу очень прямо, очень тихо, и слушаю, как у меня в ушах нарастает гул.

Максим узнал меня. С первой секунды на лофте. И, уверена, Кирилл тоже узнал. Потому что все это — рукопожатие, «динамика», «вы из Питера», предложение подвезти, «график — это предлог», кофе на заправке, — всё это была не вежливость.

Это была охота.

Я смотрю сквозь лобовое стекло. Кирилл стоит у стойки, ждёт два стакана, что-то говорит бариста, улыбается. Спокойный. Расслабленный. Тот, кому «просто показалось».

Лучший актёр из тех, кого я знаю.

Что если они ищут не меня.

Что, если знают о Теме.

Дверь открывается. Кирилл садится за руль, протягивает мне горячий стакан. От него пахнет кофе и тем самым одеколоном.

— Осторожно, горячий, — говорит он мягко. И улыбается мне — тепло, по-настоящему, той самой улыбкой с террасы.

— Спасибо, — говорю я.

И беру стакан рукой, которая, я очень надеюсь, не дрожит.

Глава 8

Кофе оказывается действительно хорошим. Я делаю маленький глоток и держу стакан обеими руками — он тёплый, и мне нужно это тепло, чтобы пальцы перестали быть ледяными.

«Ты её узнал?»

Три слова крутятся в голове, как заевшая плёнка. Я раскладываю их так и эдак. Может, это не обо мне. Может, у него десяток дел, десяток людей, десяток сообщений в день. Может, Максим спрашивает про какого-то клиента, партнёра, кого угодно.

Но я не верю в это ни секунды. Я слишком хорошо знаю цену совпадениям.

— Ты притихла, — говорит Кирилл, выезжая обратно на трассу. — Устала?

— Длинный день, — отвечаю я. — Свет, люди, переговоры. Я больше привыкла к тихой работе.

— Это заметно. — Он переключает передачу, машина мягко набирает скорость. — Ты весь день была будто в стороне. Даже когда снимала вплотную. Странное умение — быть в комнате и одновременно где-то ещё.

— Профессия такая, — говорю я.

— Удобная профессия.

— Чем удобная?

— Можно всю жизнь смотреть на других и не показывать себя. — Он говорит это без нажима, глядя на дорогу. — Я таких людей уважаю. Сам так не умею. Мне приходится говорить, убеждать, лезть на первый план. А вот Макс — он умеет молчать и смотреть. Вы с ним в этом похожи.

Я слежу за тем, чтобы лицо оставалось спокойным.

— Поэтому он ко мне и прицепился, наверное, — говорю я. — Узнал родственную породу.

— Может быть. — Кирилл улыбается. — Он, кстати, редко с кем так разговаривает. Обычно отмалчивается. А с тобой — целый монолог про физиономистику выдал. Это у него высшая форма интереса.

Мне не нравится эта форма интереса. Я мысленно делаю себе пометку, что Макс — опасный. Что с ним мне нужно видеться как можно меньше, потому что Кирилл он… другой. Спокойный, не лезет куда не надо, не пробивает комфортную зону.

Мы какое-то время едем молча. За окном тянется тёмная трасса, мокрый асфальт отражает фары встречных. Я допиваю кофе, ставлю пустой стакан в подстаканник — рядом с его телефоном, который снова погас и лежит как ни в чём не бывало.

— Расскажите про субботу, — говорю я, переводя всё в работу. — Что снимаем.

— Макс дома. — Он перестраивается в правый ряд. — Хочется живого. Не постановки. Как он работает, как живёт, какой он без галстука. Парадные портреты у нас уже есть, они мёртвые. Нужен человек.

— Один Максим? Или вы тоже будете?

— Я заеду. — Он бросает на меня короткий взгляд. — Ненадолго. У вас не будет проблем со мной как с моделью?

— У меня ни с кем не бывает проблем как с моделью, — отвечаю я. — Я просто говорю, куда встать.

— Командуешь, значит. — В его голосе — улыбка.

— За камерой я командую, — говорю я. — Это единственное место, где я командую.

— Запомню, — говорит Кирилл.

Город уже обнимает нас фонарями, светом витрин, потоком машин. До метро минут десять.

— Куда тебя везти? — спрашивает он наконец.

— К метро. «Аэропорт». Дальше я сама.

— Могу до дома.

— К метро, — повторяю я мягко, но твёрдо. — Мне ещё в магазин по дороге.

Он не настаивает. Кивает, сворачивает. И в этой лёгкости, с которой он принимает мой отказ, нет ни обиды, ни любопытства. Он спокойно едет, куда попросила, не настаивает. Вот это я имела в виду, когда говорила, что он не лезет туда, куда не нужно. Максим другой.

Машина останавливается у метро. Я отстёгиваюсь, беру кофр.

— Спасибо. За кофе и что подвезли.

— Аня.

Я уже взялась за ручку двери. Поворачиваюсь.

— Хорошо, что нам достались именно вы, — говорит он просто. — С камерой. На весь проект.

— Посмотрим, что вы скажете, когда увидите снимки, — отвечаю я и выхожу.

Дверь закрывается. Машина трогается, вливается в поток, и красные фонари растворяются среди сотни других.

А я стою у входа в метро с кофром на плече и понимаю, что мне совсем не туда. Что мне домой — в другую сторону, на другой автобус, к окну на четвёртом этаже, где горит свет.

Но я жду. Пока его машина точно скроется.

И только потом иду к остановке.

Автобус приходит почти сразу. Я сажусь у окна, ставлю кофр на колени и наконец-то позволяю себе осесть, опустить плечи, выдохнуть по-настоящему. Город плывёт мимо — мокрый, размытый, в жёлтых пятнах фонарей. Я закрываю глаза.

Всё закончилось. На сегодня закончилось. Я доехала, я не выдала себя, я не назвала адрес. В субботу — одна съёмка, потом ещё несколько, и контракт можно будет передать. Сошлюсь на загруженность, найду им другого фотографа из агентства, исчезну так же тихо, как появилась. Тень уходит, когда становится опасно.

Я почти успокаиваюсь.

Достаю телефон — написать Тамаре Петровне, что подъезжаю. Экран загорается, и я вижу пропущенные. Три. Все — с одного номера, незнакомого. И одно сообщение в мессенджере, от аккаунта без аватарки, без имени, просто цифры.

Я открываю.

Фотография.

Детская площадка во дворе моего дома. Та самая, жёлто-зелёная, с горкой в виде кораблика. Снято сегодня, при дневном свете — на лужах ещё блестит утренний дождь.

На горке — мальчик в синей курточке. Светлые брови вразлёт. Смеётся, запрокинув голову, и тянет руки к Тамаре Петровне.

Мой Тёма.

Фотография без подписи, просто прислана с незнакомого аккаунта.

По спине сползает липкий холодный пот. Не знаю, к чему эта фотография. Это они? Или кто-то другой? Звоню сестре. Она в истерике, потому что получила точно такую же фотографию с ее ребенком.

Выдыхаю. Господи, я правда выдыхаю?

Это не они, а кто-то другой, но еще неясно, какое зло хуже.

Глава 9

Автобус трясёт на остановке, кто-то входит, кто-то выходит, а я сижу с телефоном в руках и не могу пошевелиться. На экране — две фотографии. Мой Тёма на горке-кораблике. И через секунду пришедшая от Веры, которую она мне переслала дрожащими пальцами, — её Соня в коляске у подъезда. Оба ребёнка сняты сегодня. Оба — без нашего ведома. Оба — крупным планом, так, чтобы было ясно: я был близко. Я мог подойти.

— Аня, что мне делать? — голос Веры в трубке срывается. — Кто это? Это Игорь? Это его люди? Аня, я боюсь выходить из дома!

— Тихо. — Я слышу свой голос будто со стороны — он ровный, чужой, тот самый, которым я держусь, когда внутри всё рушится. — Вера, слушай меня. Соня с тобой?

— Со мной, спит, я её из коляски сразу занесла…

— Дверь заперта?

— Да.

— Никому не открывай. Я приеду, как только смогу. И давай не паниковать раньше времени. Может, это…

Я обрываю себя. «Может, это» — что? Шутка? Случайность? Две фотографии двух наших детей не бывают случайностью.

Я выхожу на своей остановке, почти бегу через двор, не глядя на ту самую горку-кораблик, мокрую и пустую под фонарём. Влетаю в подъезд, поднимаюсь на четвёртый, дрожащими руками поворачиваю ключ.

Тамара Петровна встречает меня в прихожей — спокойная, с вязанием в руках, и от одного её спокойствия мне становится чуть легче дышать.

— Тёма спит, — говорит она шёпотом и осекается, разглядев моё лицо. — Анечка, на тебе лица нет. Что стряслось?

— Тамара Петровна, — я хватаю её за руку, — сегодня на площадке кто-нибудь подходил? К Тёме? Незнакомый? Фотографировал?

Она хмурится, припоминая.

— Народу было… да как обычно. Мамочки, бабушки. — Она замолкает. — Хотя… был один. Мужчина. Молодой, в тёмной куртке. Стоял у скамейки, в телефоне. Я ещё подумала — папаша чей-то, ждёт. А он постоял и ушёл. Тёму не трогал, нет, я бы не подпустила.

— Как он выглядел?

— Да обычно. Среднего роста. Кепка. Лица толком и не видела. — Она встревоженно смотрит на меня. — Аня, да что случилось-то?

Я не отвечаю. Иду в детскую. Тёма спит на животе, подвернув ногу, держит край одеяла. Я опускаюсь на пол у кроватки и впервые за весь этот безумный день позволяю рукам дрожать по-настоящему.

Кто-то стоял в трёх метрах от моего сына. Снимал его. А потом прислал мне это фото — без слов, угроз или требований. Просто чтобы я знала: я вижу твоего ребёнка.

Я достаю телефон, открываю незнакомый номер. Набираю — длинные гудки, гудки, потом механический голос про то, что я могу оставить сообщение.

Пишу в мессенджер, под фотографией:

«Кто вы? Что вам нужно?»

Две галочки. Прочитано — мгновенно. Будто ждали.

Печатает.

Я смотрю на эти три точки, и сердце колотится в горле. Точки появляются, исчезают, появляются снова. Кто-то на той стороне выбирает слова. Наконец приходит сообщение:

«Игорь должен мне деньги. Большие. Он спрятался, но семья на виду. Передай Вере: или она возвращает долг, или я перестану просто фотографировать».

Я перечитываю дважды. Кровь отливает от лица.

Это не Кирилл. Не Максим. Это вообще не про Санторини, не про прошлое, не про Тёму-как-их-сына. Это про Игоря. Про того улыбчивого мерзавца, который снял со счёта всё, бросил Веру с кредитом и сбежал — но, оказывается, сбежал не только от неё. Он задолжал кому-то ещё. Кому-то, кто теперь пришёл за деньгами через нас. Через детей.

«Мы ничего не должны. Игорь нас тоже бросил. Мы не знаем, где он», — печатаю я, и пальцы скользят по экрану.

Ответ приходит почти сразу:

«Меня не интересует, кто кого бросил. Кровь одна. Срок — неделя. Сумму скажу позже. И не вздумай в полицию — я слежу за обоими подъездами».

Сообщение удаляется у меня на глазах. И предыдущее. И фотография. Чат пустеет, будто его и не было — остаётся только мой собственный вопрос «Кто вы?», висящий в тишине, обращённый в никуда.

Я сижу на полу детской, и в голове — звон. Неделя. Сумма, которую «скажут позже». Слежка за подъездами. И полная невозможность пойти в полицию — потому что я не знаю, блефует он насчёт слежки или нет, а проверять на детях я не стану.

И самое страшное — у меня нет денег. Тех денег, которые есть, хватает ровно на то, чтобы закрыть Верин кредит. Контракт ещё не оплачен — гонорар придёт в конце, по факту, через три месяца. Я связана по рукам и ногам договором, который сама же подписала не глядя.

Я смотрю на спящего Тёму и впервые ясно понимаю, в какую ловушку загнала нас всех.

Звоню Вере. Рассказываю — спокойно, по пунктам, как умею. Она плачет в трубку, и сквозь слёзы вырывается.

— Аня, я знала… я знала, что Игорь во что-то влез. У него последние месяцы телефон не умолкал. Звонки какие-то, он уходил говорить на лестницу. Я думала — любовница. А это…

— Вера. — Я закрываю глаза. — Ты знаешь, кому он мог задолжать? Хоть имя, хоть что-то?

Долгая пауза. Только её дыхание в трубке.

— Один раз, — говорит она наконец, тихо-тихо, — я слышала, как он сказал в телефон: «Скажи Лёве, я отдам, пусть не дёргается». Лёва. Больше ничего. Я не спрашивала. Боялась спрашивать.

Лёва. Я записываю это имя в заметки дрожащей рукой. Единственная зацепка.

Мы говорим ещё немного — о том, чтобы она не выходила из дома, чтобы заперлась, чтобы завтра я приехала. Потом я кладу трубку и долго сижу в темноте.

И тут телефон вибрирует снова.

Я вздрагиваю всем телом. Но это не незнакомый номер.

Это Максим.

Сообщение короткое, и от него по спине бежит холод не меньший, чем от угроз:

«Анна, мы можем встретиться завтра?».

Я смотрю на экран, и две беды — старая и новая — наконец сходятся в одной точке, надо мной, как две тучи перед грозой.

За окном опять висит мокрый снег, который не долетает до земли.

А я впервые за три года понимаю, что быть тенью очень тяжело.

Глава 10

Я не отвечаю Максиму сразу. Сижу на полу детской, телефон жжёт ладонь, а за стеной ровно дышит Тёма. Две тучи надо мной — старая и новая — и я не знаю, под какой укрыться.

Сначала — то, что важнее. То, что про детей.

Я перечитываю переписку с Верой, разглядываю фотографию Сони. Коляска у подъезда. Знакомый козырёк, знакомая плитка. Снято с близкого расстояния. И снова — этот ровный, выверенный ужас без единого слова угрозы. Самые страшные угрозы — те, что не нужно проговаривать.

«Лёва», — написано в моих заметках. Единственное имя. Единственная нить.

Я закрываю глаза и заставляю мозг работать так, как он работает за камерой: холодно, по кадрам, без паники. Что я знаю?

Игорь задолжал. Игорь сбежал. И сбежал, видимо, по-настоящему — со счетами в ноль, без следов, так, что даже кредитор не может его достать. Иначе зачем приходить к нам? Будь Игорь под рукой и при деньгах — его бы и трясли. Должника всегда выгоднее давить напрямую: с него можно стрясти всё разом. А с двух женщин с детьми — что? У Веры просрочка по кредиту за машину, у меня студия в аренду и сын в саду. Взять с нас, если по-честному, нечего.

Значит, расчёт не на «честно».

Расчёт на страх.

Лёва не может найти Игоря — или нашёл пустого, выпотрошенного человека, с которого взятки гладки. И тогда остаётся единственный грязный ход: надавить на тех, кто рядом. Не потому что мы должны. А потому что мать, которой показали фотографию её ребёнка на горке, побежит занимать, продавать, унижаться — лишь бы это прекратилось. Он давит не на кошелёк. Он давит на ужас.

Мы для него не источник денег. Мы — кнопка, на которую он жмёт, надеясь, что от боли мы сами найдём ему сумму. Свою, занятую, какую угодно — лишь бы откупиться за чужое.

А кнопка работает только пока на неё можно жать.

Перестанешь бояться — и жать станет некуда.

Я открываю глаза. В детской синий огонёк ночника, ровное дыхание Тёмы, мокрый снег за окном. И впервые за вечер страх отступает на полшага — туда, где я могу его разглядеть.

Потому что теперь я понимаю, с кем имею дело. Не с человеком, который пришёл за своим. С человеком, который пришёл за нашим — под предлогом чужого долга.

Я открываю незнакомый номер. Пишу медленно, взвешивая каждое слово.

«Игорь задолжал — с Игоря и спрашивайте. Мы за него не поручались. Если бы вы могли его найти и взять своё — вы бы не фотографировали чужих детей на площадке. Значит, не можете. Значит, давите на тех, кого видите. Это называется вымогательство».

Две галочки. Прочитано. Долгая пауза. Точки появляются, исчезают, появляются снова.

Я успеваю сделать скриншот раньше, чем он сотрёт сообщения. Второй телефон уже наготове — я фотографирую экран на него, кадр за кадром. Я фотограф. Я всё снимаю.

Наконец приходит ответ:

«Умная. Жаль. С умными дороже выходит. Срок — неделя».

Сообщение тут же исчезает. И предыдущие. Чат пустеет, будто его и не было.

Но у меня уже всё снято.

Правда, что с этим делать я не знаю.

Звоню Вере. Она отвечает на первом гудке — не спала.

— Аня, он и тебе написал? — голос звенит, на грани. — Аня, я не могу так, я весь вечер на дверь смотрю, мне каждый шорох…

— Тихо. Слушай меня. — Я выхожу из детской, прикрываю дверь. — Он не может достать Игоря. Поэтому давит на нас. Мы ему ничего не должны, Вера. Это вымогательство, и у меня есть скриншоты — всё, и угрозы, и фото детей. Завтра идём в полицию.

Долгая пауза. И вместо облегчения — то, чего я боялась больше всего.

— В полицию… — повторяет она глухо. — Аня, он сказал, что следит за подъездами. А пока они там бумажки оформлять будут — он за неделю что угодно сделать успеет. С Соней. — Голос срывается. — Я не могу рисковать Соней ради того, чтобы что-то кому-то доказывать. Я лучше заплачу. Один раз. Чтобы он отстал.

— Чем заплатишь? — спрашиваю я тихо. — У тебя просрочка по кредиту.

— У тебя контракт, — выпаливает она. И сразу, захлёбываясь: — Прости. Прости, я не то… Но ты же говорила — огромный гонорар. Эти двое, которые тебя наняли. Аня, попроси у них аванс. Вперёд. Скажешь — обстоятельства. Я отработаю, я всё верну, я на работу выйду, как только…

Я молчу.

Я стою на тёмной кухне, прижав телефон к уху, и впервые за весь этот безумный вечер по-настоящему холодею.

Потому что в её словах — выход. Простой, быстрый, лежащий на поверхности. Один звонок. Один разговор. «Кирилл, Максим, мне нужен аванс по контракту, срочно, личные обстоятельства».

Они дадут — я знаю, что дадут, после «только Анна» и кофе на заправке они дадут не задумываясь. И тогда у Веры будут деньги откупиться, прямо сейчас, и страх отступит, и можно будет дышать.

И тогда мне придётся прийти к ним. Просить. Объяснять «личные обстоятельства». Подпускать их к себе — близко, в долг, в зависимость. К двоим мужчинам, один из которых уже пообещал вспомнить, где меня видел. А я приду и сама, своими руками протяну им нить, за которую можно тянуть, пока не размотается всё. Включая мальчика со светлыми бровями за стеной.

Заплатить Лёве — значит признать, что кнопка работает.

Попросить аванс — значит вложить ту же кнопку в руки Кирилла и Максима.

Два вымогателя. Один требует деньги за чужой долг. Вторые ничего не требуют — но стоит мне прийти к ним должницей, и я уже не тень с камерой, а женщина, которая им обязана. А обязанность развязывает языки и вопросы.

— Аня? Ты где? — Вера дышит в трубку. — Ты попросишь?

И я понимаю, что это и есть настоящая ловушка сегодняшней ночи. Не Лёва. Не неделя. А то, что обе мои беды теперь сходятся в одной точке — в деньгах. И самый лёгкий путь спасти сестру ведёт прямо в руки тех, от кого я три года пряталась.

— Я подумаю, — говорю я наконец. Тот самый ровный голос, за которым не слышно, как внутри всё качается. — Дай мне время до утра. Только до утра, Вера. И никуда не ходи, никому не открывай. Обещай.

— Обещаю, — шепчет она.

Я кладу трубку.

За окном мокрый снег так и не долетает до земли — висит в воздухе, ни туда ни сюда. Как я.

Телефон вибрирует снова. Я уже знаю, кто это, ещё до того, как смотрю на экран.

Максим.

«Анна, мы можем встретиться завтра?» — снова то же сообщение.

Я смотрю на эти слова. На тот самый выход, который держу в руках. И впервые за три года не знаю, бежать мне от этих двоих — или идти прямо к ним.

Глава 11

Сообщение приходит утром, пока я пью свой кофе.

«Получится встретиться у меня? Нужно поговорить».

Я смотрю на экран так долго, что телефон гаснет сам. Включаю снова. Перечитываю. «Просто поговорить» — фраза, за которой может стоять что угодно. Может, ничего. Может — всё.

Съёмка и так была назначена на субботу, у него дома, «живой портрет без галстука». Зачем встречаться раньше? Что изменится за эти два часа, которые нельзя провести под камерой, при свидетелях его же квартиры, среди привычных вещей, которые не дадут сказать лишнего?

Я набираю: «Зачем пораньше?» Стираю. Слишком резко, слишком похоже на допрос. Пишу заново: «Что-то случилось с проектом?» Тоже стираю — это трусость, прятаться за работой даже в переписке.

В итоге отправляю то, что есть на самом деле: «Не понимаю, зачем».

Ответ приходит быстро, будто он ждал у телефона.

«Затем, что хочу поговорить с тобой без камеры и без Кирилла. Просто с тобой. Это не про проект».

Я сижу на кухне, и у меня в груди что-то одновременно сжимается и раскрывается — два противоположных движения сразу, как будто меня тянут в разные стороны одним и тем же чувством.

Тёма возится в комнате с конструктором, что-то бормочет себе под нос голосом мультяшного героя. Тамара Петровна гремит посудой. Обычное утро, в котором я вдруг чувствую себя человеком с двойным дном.

Я соглашаюсь. Пишу «хорошо» и тут же жалею, что не написала что-то более взвешенное, более защищённое. Но ответ уже улетел.

До встречи — три часа. Я трачу их бездарно: дважды переодеваюсь, хотя иду на деловую встречу, а не на свидание, и говорю себе это вслух, стоя перед зеркалом, будто повторение сделает правду правдой. Выбираю в итоге то, в чём чувствую себя собой — тёмные брюки, простую блузу, минимум украшений. Никакого синего. Синее я оставила там, на крыше над кальдерой, три года назад, и не хочу, чтобы оно случайно всплыло здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.